

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-11-70001).

Анализируется характеристика русского купечества, сделанная А.П. Чеховым в его художественных произведениях, и сопоставляется с некоторыми реальными характеристиками купечества в документах и научной литературе. Отмечается, что великий русский писатель глубоко проник в суть исторического материала и верно показал процесс эволюции российского общества в сторону буржуазного типа развития.

Ключевые слова: творчество А.П. Чехова; Россия; купечество; предпринимательство.

Уже больше ста лет творчество А.П. Чехова является составной частью мировой культуры. Написано множество книг и статей, сделаны тысячи постановок его пьес, но каждое поколение читателей и зрителей вновь и вновь открывает для себя новые грани таланта этого гениального писателя. Одним из интересных моментов его творчества, на наш взгляд, стало глубокое проникновение в жизнь русского обывателя, в том числе и в купеческие слои населения Российской империи. После очередного перечитывания собрания сочинений А.П. Чехова возникла мысль о его отношении к сословию, к которому он по факту рождения принадлежал, т.е. к купечеству. Сквозь тексты его рассказов, повестей и драм проступает эволюция взглядов автора на купцов, которые окружали его по жизни, что перекликается с некоторыми положениями выдающихся отечественных литературоведов. Например, М.М. Бахтин писал, что «от любого текста, иногда пройдя через длинный ряд посредствующих звеньев, мы в конечном счете всегда приходим к человеческому голосу, так сказать, упрямая в человека...» [1. С. 401]. Созвучно с М.М. Бахтиным рассуждает в своих лекциях по русской литературе В.В. Набоков, который находит подобные сближения в творчестве некоторых русских писателей, а в отношении Чехова говорит, что «главной общественной добродетелью для него была справедливость, и всю жизнь он стремился возвысить свой голос против всякой несправедливости... Прежде всего он был индивидуалистом и художником» [2. С. 319–320].

За основу периодизации, в которой и протекала эта эволюция, нами взята периодизация А.П. Чудакова, где исследователь выделяет следующие этапы: до 1887; 1888–1894; 1895–1904 гг. Каждому из этих периодов соответствуют свои особенности творчества великого писателя, как в формах изложения художественного материала, так и в его содержании, которые касаются и заявленной в нашей статье темы. Например, для второго периода характерны усложнение сюжетной линии повествования рассказов Чехова, появление героев «во всей конкретности их социального положения и сиюминутного душевного состояния», единство эмоционального восприятия авторского текста и другие качества настоящего писателя. В третьем периоде эти характеристики сохранились, но повествование уплотнилось, явились голоса и сферы

сознания многих героев, в том числе второстепенных и эпизодических [3. С. 136, 138].

По наблюдениям, содержащимся в монографии Г.П. Бердникова, дается характеристика эпохи, в которой творил Чехов, и условия, в которых формировалось его мировоззрение. Например, то, что Чехов вошел в литературу в эпоху кризиса и разложения народнической идеологии, поэтому он был свободен от уже устаревающих взглядов народников разных направлений. Деятели этого лагеря во главе с Н.К. Михайловским все раздражало в творчестве Чехова, в том числе и его жизнерадостность и юмор. В то же время Чехов был, несомненно, близок Глебу Успенскому как яркому представителю демократической литературы того времени, их скрепляла крепкая демократическая закваска [4. С. 9]. В монографии В.Я. Линкова отмечена еще одна особенность творчества Чехова, которая будет полезна в нашем исследовании: показать изображаемое действие глазами постороннего человека, который рассказывает об этом действии подробно и по возможности достоверно, отмечая, как в рассматриваемом здесь рассказе «Случай из практики», абсурдность и социальную несправедливость ситуации. К больной дочери владельца подмосковной фабрики приезжает из столицы врач, который «деревни не знал и фабриками не интересовался и не бывал на них», но сразу почувствовал тяжелую атмосферу, царившую не только на фабрике, но и в доме ее владельцев [5. С. 75].

Уже в первых, еще во многом наивных и простеньких юмористических рассказах А.П. Чехова, печатавшихся в 1880–1884 гг. под авторским псевдонимом Антоша Чехонте, встречаются сведения о купцах, начинает разрабатываться купеческая тема. Упоминания о купцах пока еще очень редки и фрагментарны, хотя, как известно, писатель родился в купеческой семье и жизнь купцов знал не понаслышке. Например, в известном рассказе «Радость», больше напоминающем фельетон, упоминается «второй гильдии московский купец Степан Луков», извозчицы с которым переехали через пьяньего, как оказалось, коллежского регистратора Митю Кулдарова, который был вне себя от счастья, что о нем в газете появилась заметка [6. Т. 1. С. 9]. Основное внимание в этот период Чехов уделяет «маленькому человеку», простым и незаметным на первый взгляд людям: мел-

ким чиновникам, ремесленникам, торговцам, кучерам, дворникам, рабочим и другим демократическим слоям населения. Делает это кратко, талантливо и смешно, так что впору позавидовать читателям тех газет и журналов, где он печатался («Зритель», «Осколки», «Наблюдатель», «Развлечение», альманахи «Северные цветы», «Стрекоза» и др.). Жанр короткого рассказа и фельетона был очень популярен в частной прессе конца XIX в., в том числе и в сибирских газетах, которые авторам данной статьи хорошо знакомы, но здесь, в Сибири, они длинные, скучны, тяжелы по стилю и нравоучительны по тону повествования.

В рассказе «Справка» главные действующие лица, мелкие чиновники-взяточники, которые без определенной мзды (не рубль или два, а непременно три) не замечают просителей «в упор», стоящих перед ними и просящего дать им ничтожную справку. Более того, для придания серьезности своим занятиям, они упоминают о своих важных делах: «Иван Алексеевич! – крикнул чиновник в воздух, как бы не замечая Волдырева. – Скажешь купцу Яликову, когда придет, чтобы копию с заявления в полицию засвидетельствовал! Тысячу раз ему говорил!» [6. Т. 1. С. 49]. Тем самым криком позывается вскользь недогадливому просителю, помещику, между прочим, что вот купец догадался дать взятку, и его дело решено. Впрочем, после получения оговоренной мзды, поза и лицо чиновника мгновенно изменились на угодливые, и справка была выдана.

В известном рассказе «Шведская спичка», который сам Чехов назвал пародией на детектив, в юмористических тонах повествуется о мнимом убийстве и его расследовании. Старый следователь при осмотре места преступления вспоминает «убийство купца Портретова», которого какие-то «мерзавцы убили и вытащили труп через окно» [Там же. С. 75]. Впрочем, история закончилась счастливо, и пропавший без вести отставной корнет Марк Иванович Кляузов был найден живым и здоровым, в отличие от многих купцов, которые довольно часто в рассказах А.П. Чехова выводились в качестве жертв ограбления и последующего убийства, как это и было на самом деле на необъятных просторах России.

В другом рассказе, «Орден», написанном в том же неподражаемом юмористическом духе, учитель военной прогимназии Лев Пустяков выпрашивает у своего товарища поручика Леденцова орден, чтобы идти в гости к купцу Спичкину: «Сегодня, видишь ли, я обедаю у купца Спичкина. А ты знаешь этого подлеца Спичкина: он страшно любит ордена и чуть ли не мерзавцами считает тех, у кого не болтается на шее или в петлице. И к тому же у него две дочери...» [Там же. С. 93]. Весь юмор этого рассказа заключался в том, что учитель встретил на праздничном ужине своего коллегу, учителя французского языка, у которого тоже был на груди выпрошенный у кого-то чужой орден. Сначала они друг друга конфузились, но потом уже жалели, что не выпросили себе ордена уже более высокого ранга. Но для купечества было характерно, в самом деле, глубокое почтение к чином и орденам. Даже на свадьбы часто приглашались генералы воен-

ные и штатские, с орденскими звездами и без них, и за все эти знаки отличия была особая цена.

Не упустил А.П. Чехов возможности показать типичные для учебников арифметики задачи, связанные с купеческим бизнесом: «Купец купил 138 арш. черного и синего сукна за 540 руб. Спрашивается, сколько аршин купил он того и другого, если синее стоило 5 руб. за аршин, а черное 3 руб.?» [6. Т. 1. С. 97]. Ни ученик, Петя Удодов, ни репетитор, гимназист VII класса Егор Зиберов, не смогли решить эту, простую на первый взгляд, задачу, в то время как отец мальчика делает это шутя по старинке на счетах. В самом деле, в учебниках и в русской литературе это отражено: довольно часто купцы фигурировали как персонажи, которые что-то продавали или покупали, куда-то ездили, что-то делали. Ученики представляли эти процессы более реалистично, чем резервуары с водой, которые наполнялись и опорожнялись, поезда, которые ехали навстречу друг другу, и другие довольно абстрактные задачи. А вот купеческие лавки были у каждого ученика под боком, и они часто туда бегали за разными покупками, знали какой товар чего стоил и когда можно поторговаться, а когда нет.

Пожалуй, в одном из самых известных рассказов Чехова «Хамелеон» действие разворачивается с эпизода, когда из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах, бежит собака, а за ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубахе и расстегнутой жилетке. Это оказывается золотых дел мастер Хрюкин, которого эта собачка, вернее борзой щенок, укусила. Попутно читатель узнает, что Хрюкин пришел на дровяной склад по делу, договориться «насчет дров с Митрий Митричем», т.е. с хозяином склада, а базарная площадь, где находится этот склад, в этот дневной час пустынна: «Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих» [Там же. С. 133]. Типичная картина провинциальной России, когда скука разливается над небольшим уездным городком и любое событие становится здесь интересным и значимым, особенно если его описывает такой талантливый писатель, как А.П. Чехов. В другом рассказе, «Надлежащие меры», купеческие торговые заведения и их владельцы оказываются уже в центре повествования, так как описываются «рейд» санитарной комиссии по этим заведениям и меры купцов, их владельцев, чтобы не допустить их к себе. В конце концов члены комиссии, уже полупьяные, оказываются в ревизуемом винном погребе, где веселье продолжается, а в качестве закуски употреблены реквизированные подгнившие яблоки. И снова в их разговоре звучат имена плутоватых купцов: Ошейников Демьян Гаврилыч, Голорыбенко, Шибукин и др.

Постепенно купеческая тема в рассказах Чехова становится все более важной и значительной. Вот уже появляются в них новые хозяева жизни, крупные воротилы и дельцы, к которым нужно простым обывателям проявлять почтение и уважение, какими бы делами те не занимались. В рассказе «Маска» обрисовывается ситуация, когда во время бала-маскарада в читальном зале общественного клуба появляется

«широкий приземистый мужчина, одетый в кучерский костюм и в шляпу с павлиньими перьями, в маске». Читающая с виду интеллигентная публика с возмущением встречают эту маску и его спутниц в сопровождении лакея с шампанским и закусками, тем более, что маска начинает читателей задирать и хамить. Но вскоре почтенные читатели в корне меняют свое отношение к мужчине, посмеявшись нарушить их покой, когда «в буяне все узнали местного миллионера, фабриканта, потомственного почетного гражданина Пятигорова, известного своими капиталами, благотворительностью и как не раз говорилось в местном вестнике – любовью к просвещению» [6. Т. 1. С. 158]. Таким образом, уже в 1880-е гг. начинающий русский писатель А.П. Чехов, хорошо зная купеческую среду, пока не делился этими своими знаниями и наблюдениями с читателями, так как слишком свежи были негативные впечатления о своем жизненном опыте в Таганроге, где он помогал отцу торговать в лавке и получал от него выговоры и наказания.

Дед Чехова по отцу, Егор Михайлович, был крепостным из Воронежской губернии и смог выкупиться с семьей на волю и служил в конце жизни управляющим имением. Детские впечатления от поездки к деду через приазовскую степь отражены в повести «Степь», в которой также отражены купеческие типы. Отец Чехова, Павел Егорович, владел в Таганроге небольшой бакалейной лавкой, где продавали чай, сахар, крупы и другие продовольственные товары. Описание таких лавок встречается во многих рассказах и повестях Чехова, и он передает их внутреннюю обстановку до самых тонких подробностей. Как и у всякого купца, у отца Чехова было желание расширить свое дело, но не хватало практичности, деловой сметки и хитрости, которые возмещались его художественными талантами. Он был регентом церковного хора и, как вспоминал позже Чехов, «когда бывало, я и два моих брата среди церкви пели трио “Да исправится” или же “Архангельский глас”, на нас смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками» [7. С. 9]. Властный и деспотичный отец прибегал к традиционным тогда методам воспитания, и наказание розгами, семейный деспотизм рано выработали у Чехова отвращение к несправедливости и насилию, обостренное чувство собственного достоинства. Эти чувства поддерживала его мать, Евгения Яковлевна, которая также была внучкой выкупившегося из неволи крепостного крестьянина, но она вносила в семью мягкость и человечность. «Талант у нас со стороны отца, а душа со стороны матери», – говорил впоследствии Чехов [Там же. С. 10].

В последующие периоды своего творчества А.П. Чехов показывает купцов более реалистично и выпукло, они составляют часто фон повествования, являются связующим звеном между героями его рассказов и местом действия. Купеческие имена и фамилии присутствуют у Чехова как названия домов и улиц, промышленных и торговых заведений, складов и т.д. Купцы становятся в его произведениях непременными элементами городской жизни, без которых

город немислим. Например, портной Меркулов из рассказа «Капитанский мундир» горько жалуется на судьбу, загнавшую его в городишко, наполненный одними купцами и мещанами. Он гордится, что выполнил заказ гарнизонного капитана и сшил ему мундир, хотя плату за работу и материалы так и не получил.

Купцы в первых рассказах Чехова часто имеют анекдотическую или водевильную окраску, т.е. смешны в своих умонастроениях или действиях. Например, Макар Тарасыч Пешкин, судя по всему, мелкий лавочник, не может выдать замуж собственную дочь из-за своей нерешительности, так как не может заставить женихов решиться на то, чтобы пойти под венец. Каждый раз в последний момент женихи чего-то пугаются или просят увеличить размер приданого. В пример он берет купца Клякина: «У него жених тоже упорствовать стал, в приданом заметил что-то не то, так он, Клякин-то, завел его в кладовую, заперся, вынул, знаете ли, из кармана большой револьвер с пулями, как следует заряженный, и говорит: “Побожись, говорит, перед образом, что женишься, а то, говорит, убью сию минуту, подлец этакой. Сию минуту!” Побожился и женился молодой. Вот видите. А я бы так не способен» [6. Т. 2. С. 24]. Чехов-драматург уже в первом своем серьезном произведении «Иванов» смело сочетал остродраматическое или даже трагическое с мелодраматическим, т.е. смешным. Это образы незадачливого дельца, управляющего имением Боркина, предлагающий всем свои безумные коммерческие проекты; это дочь богатого купца, молодая вдова Марфа Егоровна Бабакина, которая поддалась влиянию Боркина и решила стать графиней, выйдя замуж за пожилого графа Шабельского; это скупая хозяйка имения Зинаида Саввишна с ее «кружовенным вареньем» и др. Вдова Бабакина хотя и смешна в своих претензиях на благородство, но в коммерции разбирается очень даже неплохо и всегда в курсе биржевых дел, правда, жизнь понимает, как и большинство купцов, слишком материально, т.е. во всем видит свою выгоду и коммерческий интерес.

В 1880-е гг. психологически точные и реалистичные портреты купцов в произведениях Чехова еще не встречаются, хотя отдельные подходы к этой большой и актуальной теме у него уже намечены. Одним из первых рассказов, посвященных характеристике русского купечества, стал рассказ «Писатель», где говорится о молодом купце-чаеоторговце, который заказал для своего магазина рекламу китайских чаев, поступивших на склад три года назад, но подаются покупателю как свежеступившие и самого высшего качества. Вот облик этого купца по фамилии Ершаков: «...человек молодой, по моде одетый, но помятый и, видимо, поживший на своем веку бурно. Судя по его размашистому почерку с завитушками, капулю и тонкому сигарному запаху, он был не чужд европейской цивилизации» [Там же. С. 138]. В результате совместного творчества купца и пожилого писателя получилась завидная для конкурентов реклама, но после окончания этих трудов «оба почувствовали себя неловко, как будто совершили какую-то пакость». Расплачиваться за труд рекламщика купец предложил

товарами своего магазина, чаем и сахаром, как, впрочем, поступал он со всеми, кого нанимал на временную работу.

По мере того как креп и развивался писательский талант А.П. Чехова, как укрупнялись формы повествования и усложнялись сюжеты его рассказов, а потом и повестей и драматических произведений, купеческая тема становится все более серьезной, обстоятельной и психологически очерченной. Уже отдельные персонажи из купцов становятся главными героями его рассказов и повестей, что свидетельствовало не только об укреплении роли купечества и буржуазии в жизни пореформенной России, но и большей заинтересованности Чехова и других русских писателей в освещении этой темы. Вот, например, рассказ «Беда», который в первой редакции имел название «Баран», где безмятежная, сытая и пьяная жизнь купца Авдеева была вдруг прервана арестом директора городского банка, бухгалтера и членов правления. Он был членом ревизионной комиссии этого банка и, не читая, подписывал отчеты, которые ему приносили прямо в его лавку. В результате постепенно обвинения на купца Авдеева принимают все более реальные очертания, хотя он в разговорах и на допросах пытался доказать свою невиновность, но делал это настолько глупо и наивно, что только усугублял свою вину: «Авдеев горячился больше всех и уверял, что он давно уже предчувствовал этот крах и еще два года назад знал, что в банке не совсем чисто» [6. Т. 4. С. 6]. Но кольцо обвинений сжималось, хотя совесть купца была чиста. Свое положение он считал ошибкой и недоразумением, приговор суда его обескуражил – ссылка на поселение в Тобольскую губернию. Для человека, у которого во время следствия и суда пошатнулось здоровье и не осталось средств для поддержания оставшейся дома жены и сына-гимназиста, это было тяжелым ударом, но кто знает, может быть в Сибири ему удастся поправить свои дела и встать на ноги, как это было не раз на самом деле в реальной жизни.

Более детально и пристально рассматривает Чехов купцов юга России в повести «Степь: история одной поездки», где талантливо и достоверно передает свои детские и отроческие впечатления о степи. Как известно, в этой повести мальчика Егорушку отправляют на учебу в гимназию в губернский город, а сопровождает его в этой поездке родной дядя – Иван Иванович Кузьмичов, который торговал шерстью, скотом, хлебом и другими сельхозтоварами, т.е. был прасолом в традиционном понимании этого слова. Однако внешность у него была уже не купеческая, а, скорее, чиновничья, «бритый, в очках и соломенной шляпе», курил дешевые сигары и любил рассуждать на «ученые» темы. Он был фанатиком своего дела и всегда, даже во сне и за молитвой в церкви, «думал о своих делах, ни на минуту не мог забыть о них...» [Там же. С. 84]. Такая целеустремленность иногда придавала лицу Кузьмичова «неумолимое, инквизиторское выражение». Почти на всем протяжении повести Егорушка и читатели заинтригованы таинственной и могущественной фигурой крупного дельца Варламова. И когда на короткое время он появляется

в повести, его характер и повадки ясны, так как подготовлены характеристикой дяди, дельца рангом пониже, но несущего в себе черты энергичного и целеустремленного предпринимателя, фанатично преданному своему делу, без чего невозможен, в конечном счете, коммерческий успех.

Варламов и Кузьмичев как персонажи повести явно противостоят лирической атмосфере, в которой происходит ее действие, потому что лишены главных человеческих качеств – душевности и доброты. В руках Варламова несомненная власть – власть над людьми, власть над степью, которая вытекает из власти денежного капитала. Но эта власть обезличивает и порабощает, порабощает тем самым делом, хозяином которого он является. Этика капитализма подвергается сомнению у Чехова, в лице «ощипанной» фигурой рыжего еврея Соломона, в его крамольных речах, приводящих в ужас его брата Мойсея Мойсеича. Доставшиеся по наследству деньги, шесть тысяч рублей, он сжег, в то время как его брат на такую же сумму денег обзавелся корчмой, женился и имеет уже шестерых детей. Соломон проповедывает тщетность усилий по добыче денег, показывает презрение к людям, которые это делают, что, вероятно, было предвестником социальных бурь в будущем, когда власть денег менялась на власть силы и оружия. Только у Чехова это является предвидением будущего, одним из вариантов его развития, когда к власти придут такие люди, как Соломон, а у советских литературоведов – торжеством справедливости.

Купец Кузьмичев и его спутник, священник отец Христофор, везли с собой довольно много денег и на постоялом дворе их долго и тщательно пересчитывали, а затем небрежно побросали в мешок и для сохранности в пути использовали этот мешок вместо подушки. Эти деньги предназначались крупному местному дельцу Семену Александровичу Варламову, который в глазах мальчика сначала не выделялся среди других купцов: «В малорослом сером человечке, обутом в большие сапоги, сидящем на некрасивой лошаденке и разговаривающем с мужиками в такое время, когда все порядочные люди спят, трудно было узнать таинственного неуловимого Варламова, которого все ищут, который всегда “кружится” и имеет денег гораздо больше, чем графиня Драницкая» [6. Т. 4. С. 140]. Однако, присмотревшись, Егорушка увидел, что «лицо его с небольшой седой бородкой, простое, русское, загорелое лицо, было красно, мокро от росы и покрыто синими жилочками; оно выражало такую же деловую сухость, как лицо Иван Иваныча, тот же деловой фанатизм. Но все-таки, какая разница чувствовалась между ним и Иван Иванычем! У дяди Кузьмичова рядом с деловой сухостью всегда были на лице забота страх, что он не найдет Варламова, опоздает, пропустит хорошую цену; ничего подобного, свойственного людям маленьким и зависимым, не было ни на лице, ни в фигуре Варламова. Этот человек сам создавал цены, никого не искал и ни от кого не зависел; как ни заурядна была его наружность, но во всем, даже в манере держать нагайку, чувствовалось сознание силы и привычной власти над степью» [6. Т. 4. С. 141–142].

По дороге путникам попались два больших деревянных креста, стоявших по обеим сторонам тракта в память об ограбленных и убитых купцах. На привале один из возчиков рассказал реальную историю их ограбления и убийства: «Купцы, отец с сыном, ехали образа продавать. Остановились тут недалеко на постоялом дворе... Старик выпил лишнее и стал хвалиться, что у него денег с собой много. Купцы, известно, народ хвастливый, не дай бог... Не утерпит, чтоб не показать себя перед нашим братом в лучшем виде. А в ту пору на постоялом дворе косари ночевали. Ну, услышали это они, как купец хвастает, и взяли себе во внимание... На другой день, чуть свет, купцы собрались в дорогу, а косари с ними вязались... Купцы, чтоб образов не побить, шагом ехали, а косарям это на руку... Все ничего было, а как только купцы доехали до этого места, косари и давай чистить их косами. Сын, молодец был, выхватил у одного косу и тоже давай чистить... Ну, конечно, те одолели, потому их человек восемь было» [Там же. С. 129]. История, конечно, трагическая и страшная, потому как денег у купцов нашли немного, рублей сто, а сами грабители заплатились жизнью трех своих товарищей, но, в то же время, таких историй было немало и в народе складывались легенды о несостоявшихся убийствах и чудесных спасениях купцов, которые были большей частью вымыслами и мифами. Мифы, как известно, героизируют прошлое, поэтому купцы в этом случае становятся героями, которые поступают согласно своему кодексу чести, т.е. отважно и всегда готовы к подвигам. Едва ли не каждая поездка купцов по своим делам была сопряжена с определенным риском и нужно было на эти поездки отважиться.

Повесть «Три года» впервые появилась в журнале «Русская мысль» в начале 1895 г. с подзаголовком «рассказ», хотя сам Чехов называл ее, т.е. повесть, «романом из московской жизни». В центре повествования поставлен Алексей Федорович Лаптев, представитель старого купеческого рода Лаптевых, которые занимались оптовой торговлей галантерейным товаром: «...бахромой, тесьмой, аграмантом, вязальной бумагой, пуговицами и проч. Валовая выручка достигала двух миллионов в год; каков был чистый доход, никто не знал, кроме старика» [б. Т. 5. С. 409]. Старик, отец главного героя, был купцом старой закваски: «Федор Степанович был высокого роста и чрезвычайно крепкого сложения, так что, несмотря на свои восемьдесят лет и морщины, все еще имел вид здорового, сильного человека. Говорил он тяжелым, густым, гудящим басом, который выходил из его широкой груди, как из бочки. Он брил бороду, носил солдатские подстриженные усы и курил сигары. Так как ему всегда казалось жарко, то в амбаре и дома во всякое время года он ходил в просторном парусиновом пиджаке» [Там же. С. 411].

Сам главный герой получил хорошее университетское образование, хорошо говорил по-французски, посещал московские театры, выставки, музыкальные вечера, но внешность имел незавидную: «Он был невысок ростом, худ, с румянцем на щеках, и волосы у него уже сильно поредели, так что зябла голова.

В выражении его вовсе не было той изящной простоты, которая даже грубые, некрасивые лица делает симпатичными; в обществе женщин был неловок, излишне разговорчив, манерен» [б. Т. 5. С. 388]. Лаптев убежден, что его робость и застенчивость, физическая немощь и слабость характера являются следствием его воспитания. Он рассказывает своей жене, что его отец женился в 45 лет на 17-летней девушке, которая к моменту рождения детей была истощена постоянным страхом. Его самого начали бить с пяти лет – секли розгами, драли за уши, били по голове, т.е. поступали как с обыкновенными мальчиками, которых брали на обучение делу в «амбар», т.е. в контору и на склад товаров одновременно. Потом, когда его отдали в гимназию, он должен был до обеда учиться, а после обеда до вечера сидеть в амбаре. И так было до 22 лет, до университета, когда новые товарищи не надоумили его уйти из отцовского дома. Вполне ясно угадываются биографические штрихи жизни самого А.П. Чехова в Таганроге, перенесенные им в московскую жизнь в его повести, хотя сам Чехов, в отличие от Лаптева, был высок ростом, хорош собой, жизнерадостен, пользовался успехом у женщин, обладал выдающимся чувством юмора и умом.

Главная интрига повести заключается в том, что Алексей Лаптев женился на интеллигентной девушке, дочери известного врача, и все время сомневался в ее любви к себе, хотя сам был влюблен искренно и нежно. Он чувствовал, что его любовь становится все сильнее, но взаимности не было, а сущность была та, что он покупал, а она продавалась. Тем не менее, пройдя через холодность и отчуждение, потеряв ребенка, Алексей Лаптев и его жена Юлия Сергеевна стали, в конце концов, через три года, благополучными и любящими друг друга супругами, вместе стали входить в коммерческие дела семьи и заниматься благотворительностью.

Болезнь отца, а потом и брата Федора, который внезапно сошел с ума, заставили Алексея Лаптева переехать на Пятницкую, где жил отец, и братья за ведение дел. В этом ему помогал собственный опыт, полученный в детстве и юности, а также преданные семье приказчики, которыми управляли согласно купеческой традиции – держали в строгости и почитании главе рода, жалованье выдавали скромное, но его размеры держали в тайне, что вызывало у них зависть и подозрения, жениться вроде бы не запрещали, но на семейных служащих смотрели косо. Возвращение приказчиков вечером домой и утром на службу строго контролировалось – никаких опозданий, никакого запаха вина и табака, все это следовало и из старовойческой традиции многих московских купеческих семей. Такая обстановка напоминала неволю, тюремную жизнь, которая строго регламентировалась и не давала людям заниматься делами по своей душе и способностям. Это соответствовало общим условиям общественной жизни России при Александре III, периоде контрреформ и реакции, отраженных А.П. Чеховым в других его произведениях – «Палата № 6», «Человек в футляре», «Унтер Пришибеев» и др.

Интерес А.П. Чехова к новым хозяевам жизни, к российским предпринимателям и их деятельности в

1890-е гг. отразился и в других произведениях писателя – «Бабье царство», «Случай из практики», «В овраге», в пьесе «Вишневый сад» и некоторых других. Постепенно в его творчестве происходит переход от характеристики купцов как людей грубых, жадных и малокультурных, которые готовы совершать странные поступки. Например, в рассказе «Крыжовник», где главный герой поражен скопидомством, чтобы накопить денег и купить себе имение, неожиданно в разговоре появляется образ купца, который якобы перед смертью «приказал подать себе тарелку меду и съел все свои деньги и выигрышные билеты, чтобы никому не досталось». Вряд ли это возможно физически, но характеристика жадного и глупого купца дана, хотя это и не совсем так. Представители крупного капитала, а это преимущественно купцы, заводят фабрики, где трудятся сотни и тысячи рабочих, производящих необходимые для людей товары, строят железные дороги, вагоны, паровозы и пароходы, с помощью которых перевозят многие грузы и пассажиров, концентрируют в своих руках миллионные капиталы. Все это не от природной или приобретенной склонности к корыстолюбию, а характерные знаки и символы капиталистической эпохи, где большие деньги становятся реальной силой, и многие люди стремятся ими завладеть. Можно их осуждать или иронизировать по поводу их низкой культуры и грубости, но для того чтобы составить себе капитал, нужны определенные таланты, целеустремленность, энергия и сила, и эти качества в разной степени присутствуют героям поздних произведений А.П. Чехова.

В длинном, разделенном на несколько отдельных частей рассказе «Бабье царство», речь идет о получившей в наследство крупный механический завод Анне Акимовне Глаголевой. Огромное предприятие, где трудилось не менее двух тысяч человек, досталось ей от дяди, основавшего семейный бизнес, и отца, который долгое время был там квалифицированным рабочим и получал от своего брата жалованье в 16 руб. в месяц, что было не больше зарплаты обыкновенного рабочего. Свое предприятие Анна Акимовна не любила и боялась: «В главном корпусе после смерти отца она была только один раз. Высокие потолки с железными балками, множество громадных, быстро вертящихся колес, приводных ремней и рычагов, пронзительное шипение, визг стали, дребезжание вагонеток, жесткое дыхание пара, бледные, багровые или черные от угольной пыли лица, мокрые от пота рубахи, блеск стали, меди и огня, запах масла и угля, и ветер, то очень горячий, то холодный, произвели на нее впечатление ада. Ей казалось, будто колеса, колеса и горячие шипящие цилиндры, стараются сорваться со своих связей, чтобы уничтожить людей, а люди с озабоченными лицами, не слыша друг друга, бегают и суетятся около машин, стараясь остановить их страшное движение» [6. Т. 5. С. 295].

Основателем крупного семейного дела был дядя героини рассказа, Иван Иванович, происходивший из старообрядцев, что вполне соответствовало действительности, так как многие выгодные для быстрого обогащения отрасли народного хозяйства были им

недоступны, и они устремились в правильный с их точки зрения бизнес – переработку сельскохозяйственного сырья (обработка и выделка кож, мукомольное и салотопенное дело и др.), а также в текстильное производство, металлургию и машиностроение. Для этого нужно было обладать типичными для предпринимателя чертами характера – целеустремленностью и энергией, умом и деловой сметкой, преданностью делу и религии. Этими чертами в полной мере владел Иван Иванович Глаголев, это был кремень: «Во всем, что относилось к религии, политике и нравственности, он был крут и неумолим, и наблюдал не только за собой, но и за всеми служащими и знакомыми. Не дай бог, бывало, войти к нему в комнату и не перекреститься! Роскошные хоромы, в которых живет теперь Анна Акимовна, он держал запертыми и отпирал их только в большие праздники для важных гостей, а сам жил в конторе, в одной маленькой комнатке, уставленной образами. Он тяготел к старой вере и постоянно принимал у себя старообрядческих архиереев и попов, хотя был крещен и венчан и жену свою похоронил по обряду православной церкви» [6. Т. 5. С. 298]. Под его влиянием оказалась юная племянница Аня, которой дядя дал хорошее образование и воспитание, сделал наследницей своего состояния, постарался привить навыки предпринимательства, т.е. получать прибыль, систематически эксплуатируя своих рабочих. «Купцы, а особенно купчихи, больше любят нищих, чем своих рабочих», – подумала Анна Акимовна. «Хорошо бы раздать завтра эти ненужные, противные деньги рабочим, но нельзя ничего давать рабочему даром, а то попросят в другой раз», – таковы ее принципы [Там же. С. 294].

Огромный ее дом по старинке делился на две части: «Верхний этаж в доме назывался чистой, или благородной половиной и хоротами, нижнему же, где хозяйничала тетушка Татьяна Ивановна, было присвоено название торговой, стариковской, или просто бабьей половины» [Там же. С. 306]. Как женщина умная и наблюдательная Анна Акимовна видит, что, выплачивая огромное жалованье своему директору, юристу и другим доверенным лицам, она не застрахована от обмана с их стороны, и ей почему-то стыдно и обидно за них. Она видит нищету и ужасные условия труда своих рабочих, но ничего не может сделать против порядков, заведенных ее дядей и отцом; она видит тщетность своей грошовой благотворительности, видит, что ее желание выйти замуж за старшего рабочего Пименова неосуществимо, а другие кандидаты в женихи ничтожны и корыстолюбивы. Одним словом, богатство, по мнению А.П. Чехова, не приносит его владельцам простого человеческого счастья, но является постоянным источником беспокойства и разного рода забот и волнений, постоянных угрызений совести и понимания греховной сущности накопления за счет нищеты и страданий других. Сделать что-то существенное, чтобы изменить мир, пойти против устоявшихся традиций, освященных властью и религией, невозможно, так как люди были включены в естественный ход событий, нарушить которые было невозможно, даже если сильно захотеть.

Сходная ситуация рассматривается А.П. Чеховым в другом рассказе – «Случай из практики». Вдова купца Ляликова, владелица большой фабрики, вызвала к своей дочери московского профессора, который сам не поехал, но послал вместо себя своего ординатора. В рассказе противопоставляется роскошь летнего вечера и убожество фабричных корпусов, складов и бараков, покрытых какой-то серой пылью. Глядя на рабочих, которые кланялись господским лошадям, проезжавшим мимо, ординатор Королев «всякий раз думал о том, что вот снаружи все тихо и смиренно, а внутри, должно быть, непроходимое невежество и тупой эгоизм хозяев, нездоровый труд рабочих. Дрязги, водка, насекомые. И теперь, когда рабочие почтительно и пугливо сторонились коляски, он в их лицах, картузах, в походке угадывал физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность» [6. Т. 6. С. 311–312]. Ожидания доктора оправдались – его встретила госпожа Ляликова, «полная, пожилая дама, в черном шелковом платье с модными рукавами, но, судя по лицу, простая, малограмотная, смотрела на доктора с тревогой и не решалась подать ему руку, не смела». В зале большого дома были развешаны картины, которые давали представление о вкусах его хозяев: «На картинах, написанных масляными красками, в золотых рамах, были виды Крыма, бурное море с корабликом, католический монах с рюмкой, и все это сухо, зализано, бездарно...». Кроме этого, здесь же находились портреты фабрикантов, где не было «ни одного красивого, интересного лица, все широкие скулы, удивленные глаза; у Ляликова, отца Лизы, маленький лоб и самодовольное лицо, мундир мешком сидит на его большом непородистом теле, на груди медаль и знак Красного креста. Культура бедная, роскошь случайная, неосмысленная, неудобная, как этот мундир; полы раздражают своим блеском, раздражают люстры, и вспоминается почему-то рассказ про купца, ходившего в баню с медалью на шее...» [Там же. С. 315].

Неутешителен вывод Чехова о фабричном производстве и капитализме в целом, который так или иначе встречается в его художественных произведениях и публицистике: «Тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, дела плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара; сотня людей надзирает за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец» [Там же. С. 317]. Чехов сравнивает с дьяволом, с неведомой силой, которая создала отношения между сильными и слабыми, и эту грубую ошибку теперь уже не исправить.

В реалистических тонах описывает Чехов разные уровни развития капитализма в повести «В овраге», впервые опубликованной в журнале «Жизнь» в 1900 г. Брат писателя М.П. Чехов считал, что в ней воспроизведен один из рассказов, услышанных Чеховым на Сахалине, а обстановка и место действия списаны с окрестностей Мелихова. По воспоминаниям

С.М. Шукина, Чехов признавал, что в повести отразились реальные факты, лица, события, и в то же время подчеркивал художественно обобщающий смысл повести: «Я описываю тут жизнь, какая встречается в средних губерниях, я ее больше знаю. И купцы Хрымины есть в действительности. Только на самом деле они еще хуже. Их дети с восьми лет начинают пить водку и с детских лет развратничают: они заразили сифилисом всю округу. Я не говорю об этом в повести <...> потому что говорить об этом считаю нехудожественным» [7. С. 63]. Низший уровень российского предпринимательства представлен в повести семьей епифанского мещанина Григория Цибукина, который «держал бакалейную лавочку, но это только для вида, на самом же деле торговал водкой, скотом, кожами, хлебом в зерне, свиньями, торговал чем придется. И когда, например, за границу требовались для дамских шляп сороки, то он наживал на каждой паре по тридцати копеек; он скупал лес на сруб, давал деньги в рост, вообще был старик оборотливый» [6. Т. 6. С. 307]. Высший уровень предпринимательства был представлен купцами-фабрикантами Хрымиными Старшими, Хрымиными Младшими и Костюковым. Их фабрики были ситцевыми, а одни из них кожевенная, поэтому вокруг «всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выделке ситцев».

Цибукины хотя и жили как купцы, но, по словам одной из героинь повести, «уж очень народ обижаем <...> Лошадь ли меняем, покупаем ли что, работника ли нанимаем – на всем обман. Обман и обман. Постное масло в лавке горькое, тухлое, у людей деготь лучше...» [Там же. С. 399]. Этот эпизод с постным маслом переключается с реальным фактом торговли П.Е. Чехова, отца писателя, который был отражен сначала в мемуарной литературе, а затем в биографическом романе «Антон Чехов» французского писателя Анри Труайя: «Однажды в баре с деревянным маслом утонула крыса. И что же? Павел Егорович не нашел в себе мужества выбросить “оскверненный” товар. Но как примирить обязательную для всякого христианина честность с нежеланием терпеть крупный убыток? Вдохновленный свыше, Павел Егорович пригласил священника и попросил его прочесть над этим маслом очистительную молитву. После этого он мог со спокойной совестью снова пустить в продажу освященный и очищенный товар. Обряд совершался в самом тесном кругу; но соседи, быстро обо всем прознавшие, возмутились. Очищенное от скверны масло не находило покупателя. Более того, подозрение в нечистоте тяготело отныне над всеми припасами в лавке» [8. С. 13–14]. Тем не менее, несмотря на посредственные результаты своей коммерции, П.Е. Чехов состоял во второй гильдии таганрогского купечества и с достоинством и самодовольством носил на шее медаль, а по воскресеньям разгуливал не иначе как в шелковом шапокле (цилиндре), белой сорочке и галстук.

Такая характеристика русского купечества прослеживается и в последней драме Чехова «Вишневый сад», где Ермолай Алексеевич Лопухин занимает одно из центральных мест. Большинство исследователей

приходят к выводу, что Чехов наделил его целым рядом положительных черт, сочувствует и симпатизирует Лопихину, хотя в советском литературоведении с этим тезисом были не согласны, видя в нем только хищника и эксплуататора. По сути дела, с монолога Лопихина и начинается пьеса, которую сам Чехов называл комедией, где должно быть много веселого и смешного. Однако слова Лопихина сразу же настраивают зрителя на серьезный лад, когда он рассказывает о своем знакомстве с хозяйкой поместья Любовью Андреевной Раневской и об отношении в крестьянской семье отцов к своим детям: «Помню, когда я был мальчонком лет пятнадцати, отец мой покойный – он тогда здесь в деревне в лавке торговал – ударил меня по лицу кулаком, кровь пошла из носа <...> Мы тогда вместе пришли зачем-то во двор, а он выпимши был. Любовь Андреевна, как сейчас помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомоинику, вот в этой самой комнате, в детской. “Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживет...” Мужичок... Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд... Только вот что богатый, денег много, а ежели подумать и разобратся, то мужик мужиком...» [6. Т. 7. С. 318]. За такую ласку в далеком прошлом Лопихин предлагает по-своему оригинальный и эффективный бизнес-план, который даст в будущем потрясающий доход, но хозяева поместья с ним не соглашаются. Проект просчитан и учитывает многие попутные обстоятельства: «Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч дохода» [Там же. С. 325]. Проект убедительный и выгодный, и Лопихин рассчитывает на то, что он вызовет восторг у слушателей, так как делится своей коммерче-

ской тайной, которая, как известно, стоит денег, но хозяева имения с негодованием его отвергают.

По мнению Чехова, Лопихин и многие ему подобные представляют новую прогрессивную силу, пришедшую на смену дряхлеющему дворянству. За ними сила, за ними жизненная правда, так как именно они провели железные дороги и телеграф, перестроили города, построили фабрики и заводы, сменили телегу на паровоз. Поэтому Чехов сочувствует и даже восхищается Лопихиным и его деятельностью, наделяет его рядом положительных качеств. Тут и энергия, целеустремленность, ум и деловая хватка, смелость в расчетах и своих коммерческих действиях. Однако эти качества имеют и негативный оттенок, когда Лопихину не хватает выдержки и такта, например он начинает вырубать вишневый сад еще до отъезда прежних хозяев, не беспокоясь, что Раневской он наносит душевную травму, хотя к ней испытывает нежные чувства. Красота он чувствует и понимает, но лучше, если она, красота, будет приносить, как маковое поле, немалый доход. Он хорошо относится к горничной Дуняше, говорит с ней на одном языке и они прекрасно ладят, он два года ходит в женихах у приемной дочери Раневской Вари, но это уже пройденный этап его жизни и природы, он переходит в более солидную и тяжелую «весовую категорию», категорию истинных хозяев жизни, деловых воротил и, может быть, вскоре политиков. «Вишневый сад» написан в конце 1903 г., поставлен в театре в следующем году, накануне революции 1905 г., в результате которой буржуазия сформирует свои партии и начнет выстраивать политическую линию поведения. К сожалению, этакая линия прогрессивного общественно-исторического процесса не получила развития и безвременно зачахла на стадии ростков, хотя могла дать зрелые и обильные плоды. О России будущего, о будущем ее людей мечтали другие персонажи поздних пьес Чехова, и жизнь, по их мнению, должна быть прекрасна, но что получилось на самом деле – судить спустя век уже нам и спустя два века – нашим потомкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975. 502 с.
2. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М. : Независимая газета, 1998. 440 с.
3. Чудаков А.П. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М. : Сов. писатель, 1971. 384 с.
4. Бердников Г.П. А.П. Чехов. Идеи и творческие искания. М. ; Л. : ГИХЛ, 1961. 508 с.
5. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 128 с.
6. Чехов А.П. Собрание соч. : в 8 т. М. : Правда, 1970.
7. Чехов А.П. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. М. : Просвещение, 2011. 696 с.
8. Труайя А. Антон Чехов / пер. с фр. М. : Эксмо, 2004. 608 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 октября 2015 г.

THE IMAGE OF RUSSIAN MERCHANTS IN WORKS BY ANTON CHEKHOV: ART FICTION AND REAL CHARACTER

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 42–50. DOI: 10.17223/15617793/404/6

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Keywords: creativity of Anton Chekhov; Russia; merchant; entrepreneurship.

The greatest Russian writer Anton Chekhov knew the merchant environment well since his childhood, but in his first works he did not share this experience with his readers. Obviously, the negative impressions of the life style in Taganrog, where he helped his father in the shop and got reprimands and punishment from him, were too fresh. Chekhov's grandfather, Yegor Mikhailovich, was a serf in Voronezh Province, and was able to redeem with his family and later, at the end of his life, served as an estate manager. Chekhov's childhood impressions of travelling through the Azov steppe to his grandfather's place are reflected in the story *The Steppe*,

where types of merchants are also described. It will be considered later in this article. Chekhov's father, Pavel Yegorovich, owned a small grocery store in Taganrog where tea, sugar, cereals and other food products were sold. Description of the shops can be found in many Chekhov's novels and short stories, where he gives their internal environment in the most subtle details. As every merchant, his father intended to expand business, but he lacked such features of character as practicality, business shrewdness and cunning; however, they were replaced by his artistic talents. Pavel Yegorovich was a regent of the church choir. In the following periods of his creativity, A.P. Chekhov showed merchants more realistically and vividly. They are part of the background of the narrative and link the heroes of his stories and the site of action. Merchant names and surnames in Chekhov works function as names of houses and streets, industrial and commercial establishments, warehouses, etc. Merchants became indispensable elements of city life, without them the city is unthinkable. As Chekhov's writing talent strengthened and developed, as his narrative form grew larger and subjects of his stories became more complicated, the merchant topic became more serious, thorough and delineated psychologically. Individual characters of merchants became protagonists of his stories and novels, which indicated not only the more important role of the merchant class and the bourgeoisie in the life of the post-reform Russia, but also the greater Chekhov's and other Russian writers' interest in covering this topic.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Studies over the years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Nabokov, V.V. (1998) *Lektsii po russkoy literature. Chekhov, Dostoevskiy, Gogol', Gor'kiy, Tolstoy, Turgenev* [Lectures on Russian literature. Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
3. Chudakov, A.P. (1971) *Mir Chekhova. Vozniknovenie i utverzhdenie* [The world of Chekhov. The emergence and adoption]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
4. Berdnikov, G.P. (1961) *A.P. Chekhov. Ideynye i tvorcheskie iskaniya* [A.P. Chekhov. Ideological and creative search]. Moscow; Leningrad: GIKhL.
5. Linkov, V.Ya. (1982) *Khudozhestvennyy mir prozy A.P. Chekhova* [The art world of A.P. Chekhov's prose]. Moscow: Moscow State University.
6. Chekhov, A.P. (1970) *Sobranie soch.: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Moscow: Pravda.
7. Kataev, V.B. (ed.) (2011) *Chekhov A.P. Entsiklopediya* [Anton Chekhov. Encyclopedia]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Troyat, A. (2004) *Anton Chekhov*. Translated from French by A. N. Vasil'kova. Moscow: Eksmo.

Received: 13 October 2015